

С тех пор как дело Ши Сяовэнь благополучно разрешилось, а Чжоу Тун помог перестроить планировку и фэншуй в доме, Шэнь Хунвэнь заметно приободрился. Да и в делах наметился крутой поворот к лучшему: один за другим посыпались крупные контракты. Жизнь, прежде казавшаяся беспросветным тупиком, внезапно заиграла новыми красками.

Понимая, что его спасением целиком и полностью обязан Чжоу Туну, Шэнь Хунвэнь лично примчался к нему в лавку. Да не с пустыми руками, а с шелковым наградным вымпелом, на котором красовались вышитые золотом иероглифы: «За спасение страждущих». Он даже самолично водрузил этот трофей на самую видную стену в главном зале. Глядя на это великолепие, Чжоу Тун лишь криво усмехнулся, но обижать гостя отказом не захотел — пришлось с улыбкой принять столь щедрый жест благодарности.

Тело Ши Сяовэнь Шэнь Хунвэнь пристроил по всем правилам закона. Поскольку девушка скончалась внезапно, а сам он был единственным свидетелем, дело передали в больницу на экспертизу. Вскрытие не выявило никаких следов насилия, зато врачи поразились тому, что у столь молодой особы внутренние органы оказались полностью истощены. В итоге медики сошлись на диагнозе «смерть от переутомления».

В таком мегаполисе, как Город А, от хронического переутомления ежегодно гибли сотни людей. К тому же у Ши Сяовэнь не осталось родственников, так что дело быстро закрыли и сдали в архив.

Позже Шэнь Хунвэнь завел разговор об оплате услуг. Без лишних расспросов он компенсировал Чжоу Туну всю стоимость скульптуры тапира из сине-белого нефрита — а это ни много ни мало двести тысяч юаней — и сверху набросил кругленькую сумму в миллион юаней.

Сопровождавший его старший секретарь Сюй Чжуо лишь недовольно косился на Чжоу Туна. С его точки зрения, они занимались какой-то ерундой, раздаривая деньги первому встречному. Семья Шэнь, конечно, не бедствовала, но бросать такие средства на ветер было просто глупо.

Выждав момент, когда хозяин лавки отвернулся, Сюй Чжуо тихонько высказал свои сомнения Шэнь Хунвэню. Тот, однако, лишь напустил на себя таинственный вид и с благоговением посмотрел Чжоу Туну в спину:

— Дядя Сюй, вы просто не понимаете. Он — настоящий Небесный наставник. Отдать такую малость за собственную жизнь? Да это сделка века!

Сюй Чжуо только и оставалось, что лишиться дара речи от изумления.

Уходя вслед за молодым хозяином, он смерил Чжоу Туна презрительным взглядом. Секретарь был твердо уверен: этот шарлатан либо опоил Шэнь Хунвэня какими-то психотропными снадобьями, либо попросту промыл ему мозги. Иначе с чего бы законченному прагматику и атеисту добровольно тащить миллионы в эту подозрительную контору?

— О чем задумался? — слышался голос Тени.

Он соткался прямо из древнего узора на наконечнике Бронзовой Алебарды. Впитав слезы Ши Сяовэнь, Тень стал куда отчетливее: теперь Чжоу Тун мог различить смутные очертания человеческого лица, пускай они по-прежнему тонули в клубах призрачной дымки.

— Да так, ни о чем, — отозвался Чжоу Тун.

Облокотившись на подоконник, он рассеянно смотрел на улицу, а в голове его все крутились слова Белого Непостоянства.

Его отец теперь служит проводником душ в Поднебесной канцелярии? Должно быть, теплое местечко. Интересно, как ему там живется? Судя по тону Седьмого господина, грех жаловаться.

На самом деле, Чжоу Тун собирался зажечь Благовония Призыва Душ именно ради того, чтобы вызвать душу своего отца, Чжоу Да.

Смерть Чжоу Да была окутана тайной. На теле не нашли ни единой царапины, а вскрытие показало, что все его органы были абсолютно здоровы. По словам врачей, с таким богатырским сердцем он мог бы спокойно прожить еще не один десяток лет.

Последние дни Чжоу Тун безвылазно изучал старинные трактаты, посвященные Пяти Недостаткам и Трем Изъянам. Сведений нашлось немного, однако кое-какие крупницы знаний ему все же удалось собрать.

Те, кого поражал Жизненный изъян, в детстве ничем не отличались от обычных людей. Но под конец отмеренного им срока на них лавиной обрушивались несчастья и болезни, уносившие их жизни либо насильственным путем, либо от неизлечимого недуга. Большинство таких бедолаг едва дотягивали до тридцати лет.

Чжоу Тун провел пальцами по стеклу рамки со старой, давно выцветшей фотографией Чжоу Да и, нахмурившись, пробормотал под нос:

— Родился в шестьдесят шестом, умер в девяносто седьмом... Чуть больше тридцати лет.

Не сходится. Что-то здесь явно не так.

— Тебе пока рано браться за Благовония Призыва Душ, — раздался холодный голос Тени. — Сначала тебе нужно развить свои Глаза Инь-Ян до такой степени, чтобы отчетливо видеть линии судьбы. С твоим телом чистой энергии Ян и этим взором ты рискуешь призвать вовсе не отца, а затащить в наш мир свирепых тварей и злобных призраков из самых глубин восемнадцатого круга преисподней.

Чжоу Тун даже бровью не повел от того, что его планы так легко раскусили. Он аккуратно поставил рамку на место и с мягкой улыбкой ответил:

— Я понял. Спасибо за предупреждение.

Тень промолчал. В следующий миг его силуэт подернулся дымкой. Словно закатив глаза на прощание, он струйкой сизого дыма скользнул обратно в узор на металле. Из Бронзовой Алебарды с тихим хлопком вырвалось облачко энергии Инь, и, прежде чем оно окончательно рассеялось, до Чжоу Туна донеслось пренебрежительное:

— Упрямец.

Улыбка медленно сползла с лица Чжоу Туна.

В этот момент в лавку вихрем влетел Дуань Чжэн. С ходу шлепнув на стол какой-то листок, он схватил стоящую рядом чашку, налил остывающего чаю и сделал крупный глоток. Тут же отшатнулся, едва не выронив посуду:

— Твою же мать! Почему такой кипяток?!

— Да что стряслось? — покачал головой Чжоу Тун. — Увидел бы твой дядя, как ты носишься сломя голову, опять бы прочитал нотацию.

— Да плевать, его же тут нет! — Дуань Чжэн расплылся в довольной улыбке, вытирая подбородок широкой ладонью. — Ты лучше погляди, какую вещь я тебе притащил!

— И что за сокровище? — Чжоу Тун разгладил помятый, почти изорванный клочок бумаги и удивленно приподнял бровь:

— Аукцион?

— Именно! — Толстяк Дуань закивал так усердно, что затряслись щеки. — Ну что, пойдём? А? Пойдём же! Умоляю тебя, дружище, соглашайся!

Это была рекламная листовка престижного аукционного дома «Сихэ». Это заведение в городе А открывало свои двери крайне редко — от силы пять раз в год. Обычно подобные конторы зарабатывают на комиссионных и сервисных сборах, поэтому чем чаще проводятся торги, тем выше прибыль. Однако «Сихэ», казалось, вовсе не гнался за наживой; их аукционы больше походили на благотворительные или закрытые клубные встречи для избранных.

К тому же у каждого торгов в «Сихэ» была строгая тематика. Все лоты без исключения подбирались под одну категорию: будь то древняя керамика, бронзовое литье, резной нефрит

или статуи Будды. На этот раз темой аукциона были объявлены печати.

Со времен эпохи Чуньцю печати и оттиски прочно вошли в обиход. Символизируя высшую власть, они со временем обрели мистическую силу — способность отгонять скверну и умирять нечисть. Так, в даосском трактате «Баопу-цзы» упоминается «печать Лао-цзюня, оберегающая от сотни бесов, ядовитых гадов, тигров и волков». А в «Каноне печатей» сказано: «Даосу надлежит вырезать печать из сердцевины дикого финика размером в четыре цуня». Все это указывало на колоссальную сакральную мощь, скрытую в обычном на первый взгляд оттиске.

Тема печатей живо заинтересовала Чжоу Туна. Он смутно помнил, что у его покойного отца была невероятная печать. В детских воспоминаниях она казалась волшебной — способной повелевать ветрами, призывать ливни и метать молнии. С годами эти образы подернулись дымкой скепсиса, но детское любопытство никуда не делось.

К тому же техника «Гроза на Ладони», которую Ши Сяоя передала ему перед тем, как ее душа окончательно рассеялась, требовала именно печати в качестве проводника и концентратора энергии. Чем мощнее артефакт, тем сокрушительнее будет удар молнии.

Пока Чжоу Тун взвешивал все за и против, нетерпеливый Дуань Чжэн уже вовсю тряс его за рукав:

— Чжоу Тун! Друг! Ты обязан пойти со мной! Помоги утереть им нос!

Чжоу Тун с недоумением посмотрел на покрасневшегося приятеля.

Под его испытующим взглядом толстяк мгновенно раскололся:

— Помнишь Ван Кая? Этот мелкий ублюдок тоже там будет!

Чжоу Тун лишь вздохнул.

Ван Кай приходился Дуань Чжэну кузеном, но общего языка они не находили с пеленок. Их гороскопы конфликтовали настолько яростно, что стоило им оказаться в одном помещении, как тут же вспыхивал грандиозный скандал.

— Я прослышал, что этот индюк выписал какого-то авторитетного спеца из-за границы, — заговорщицки зашептал Дуань Чжэн. — Говорят, тот на родине все коллекции изучил вдоль и поперек, вот и подался за рубеж. Сам знаешь, сколько наших древностей утекло на Запад... Но Ван Кай хорош! В нашем городе полно мастеров фэншуй и антикваров, а он из-за океана везет чужака. Видать, заморские спецы ему милее отечественных!

Крупные бизнесмены редко ходили на подобные мероприятия в одиночку. Обычно они брали с собой экспертов, чтобы те оценивали лоты, отсеивали подделки и помогали не прогадать с

ценой. В таком деле фигура консультанта решала всё.

И тот факт, что вместо признанного маститого знатока Дуань Чжэн пришел именно к Чжоу Туну, наглядно доказывал, насколько сильно он доверял своему другу.

Глядя на забавную гримасу праведного гнева на лице толстяка, Чжоу Тун не выдержал и рассмеялся. Покачивая головой, он молча слушал бесконечные жалобы Дуань Чжэна на то, какой Ван Кай мелочный, подлый и несносный тип.

Положив перед собой листовку, он внимательно изучил расписание.

— Значит, послезавтра?

— Ага, — подтвердил Дуань Чжэн.

— Времени в обрез... Придется устроить себе ускоренный курс подготовки.

Дуань Чжэн непонимающе моргнул:

— Подготовки к чему?

Чжоу Тун невозмутимо улыбнулся:

— К оценке печатей, конечно. В фарфоре я худо-бедно разбираюсь, а вот в этих мелких безделушках мои познания весьма скромны.

Последние слова он произнес с нарочито серьезным видом, пытаясь подразнить толстяка.

Но Дуань Чжэн даже не вздрогнул. Он лишь беззаботно хлопнул друга по плечу:

— Все устроим в лучшем виде! Скажи, какие книги тебе нужны, я из-под земли достану — хоть наши издания, хоть зарубежные!

Чжоу Тун тепло улыбнулся.

Затаившийся в узоре Тень, который грел уши весь разговор, презрительно фыркнул прямо ему в сознание:

«Какое притворство. Твои Глаза Инь-Ян видят любую вещь насквозь. Тоже мне проблема — пара копеечных печатей».

Вместо ответа Чжоу Тун взял связку ключей и повесил ее на крючок у стола так, чтобы уменьшенный Наконечник Бронзовой Алебарды сиротливо болтался в воздухе, покачиваясь из стороны в сторону...

«... Эй, — недовольно отозвался Тень. — Прекрати это».

— Раз так, послезавтра можешь остаться дома, — с улыбкой прошептал Чжоу Тун. — А я-то наивно надеялся взять тебя с собой в качестве главного советника.

Тень замолчал на секунду, а затем процедил сквозь зубы:

«Не больно-то и хотелось».

— Как скажешь.

«...»

Тень ушёл в глухую несознанку. Обиделся, но гордость не позволяла признать это.

В день аукциона Чжоу Тун едва успел проснуться после послеполуденного сна, как зазвонил телефон. На связи был Толстяк Дуань, который радостно сообщил, что уже ждет у порога.

Накинув первую попавшуюся повседневную одежду, Чжоу Тун, зевая, пошел открывать дверь.

Однако за спиной Дуань Чжэна обнаружилась целая свита...

Не успел Чжоу Тун опомниться, как эта толпа ворвалась в дом и принялась усердно колдовать над его внешним видом.

Ему мерили строгие костюмы, подстригали волосы, подбирали аксессуары...

Чжоу Тун обреченно сидел перед зеркалом, наблюдая, как вокруг его головы суетятся мастера всех мастей.

— Не кажется ли тебе, что это явный перебор? — выдавил он.

Дуань Чжэн стоял над душой и активно руководил процессом:

— Вот тут покороче! Да не криво же, ну кто так стрижет?! У меня аж сердце кровью обливается!

Стилист предпочел промолчать, стиснув зубы.

— Сяо Тун, ты просто не понимаешь, — проворчал толстяк, обернувшись к другу. — Красавцам вроде тебя неведомо, как важна правильная обертка. Уж я-то на этом собаку съел. Оденься подобающе, и пускай эти снобы в зале лопнут от зависти!

Чжоу Тун лишь покачал головой.

Вдруг из узора на наконечнике Бронзовой Алебарды, лежащей на столе, выскользнул Тень. Он закружился над столешницей легким завитком дыма и язвительно хмыкнул прямо в мыслях Чжоу Туна:

«И вот это они называют неотразимостью?»

Чжоу Тун многозначительно вскинул брови. В его глубоких темных глазах, скрывавших бездонную глубину ночного неба, промелькнула искра лукавства. От этого взгляда призрачный Тень слегка растерялся, и его туманный силуэт на миг заколебался. И тут задерганный Дуань Чжэном парикмахер, совершенно не заметив мистического вмешательства, взмахнул феном и мощной струей горячего воздуха начисто сдул призрачную дымку со стола.

Чжоу Тун прыснул от смеха.

Тень в безмолвном негодовании убрался восвояси.

— Чего смешного-то? — удивился Дуань Чжэн.

— Да так, — сквозь смех ответил Чжоу Тун. — Показалось, будто кто-то только что шумно испортил воздух.

Толстяк тут же грозно насупил и зыркнул по сторонам:

— Это еще кто тут свинячит?! Работы непочатый край, а они тут газы пускают!

<http://bllate.org/book/18246/1761816>